УДК 343.343.6

Скорик Вячеслав Николаевич – аспирант Сибирского института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск). *E-mail: nal9197@mail.ru*

В.Н. Скорик
V.N. Skorik

Классификация судебно-следственных ситуаций по уголовным делам о незаконном пересечении государственной границы РФ

Статья посвящена проблемным вопросам, составляющим методическую и тактическую основу судебного следствия по уголовным делам о незаконном пересечении государственной границы РФ. Учитывая, что арсенал тактических средств судьи значительно меньше, чем широкий круг процессуальных возможностей, находящихся в распоряжении следователя (дознавателя) и проводимых на стадии предварительного расследования, возникает необходимость в систематизации многообразия судебно-следственных ситуаций и их упорядочении в целях обеспечения решения теоретических и практических задач. По мнению автора, существует острая необходимость в выработке универсального критерия деления, позволяющего все многообразие ситуаций судебного разбирательства привести к единой научно-обоснованной классификации, благодаря чему сократится количество ошибок криминалистического характера и повысится эффективность судебного следствия по данной категории уголовных дел. В статье предложены классификационный блок наиболее типичных судебно-следственных ситуаций и возможный характер поисково-познавательной деятельности, осуществляемой в судах на различных стадиях судебного следствия. Предложены способы оптимизации судебного следствия и приведения его к наибольшей эффективности.

Classification of judicial and investigative situations on the criminal cases about the illegal crossing of the frontier of the Russian Federation

The article is devoted to the problematic questions making methodical and tactical basis of judicial examination on the criminal cases about the illegal crossing of the frontier of the Russian Federation. Considering that the arsenal of tactical means of the judge is much less, than the wide range of procedural opportunities which are at the disposal of the investigator and carried out at a stage of preliminary investigation appears the need in systematization of the variety of judicial and investigative situations and their streamlining for providing the solution of theoretical and practical tasks. According to the author, there is an urgent need in development of universal criterion of the division allowing lead the all variety of situations of judicial proceedings to uniform scientifically based classification thanks to what the quantity of the errors of criminalistics character

will be reduced and the efficiency of judicial examination on this category of criminal cases will increase. In this article the classification block of the most typical judicial and investigative situations and possible nature of the search cognitive activity which is carried out in the courts on the different stages of judicial examination are offered. The ways of optimization of judicial examination and its bringing to the greatest efficiency are offered.

***Ключевые слова**: судебно-следственная ситуация, судебное разбирательство, судебное следствие, проблемно-поисковая ситуация, поисково-познавательная деятельность, незаконное пересечение государственной границы РФ, тактический риск.*

***Keywords:** judicial and investigative situation, judicial trial, judicial examination, problem and search situation, search cognitive activity, illegal crossing of frontier of the Russian Federation, tactical risk.*

Многообразие судебно-следственных ситуаций диктует потребность в их систематизации, упорядочении для решения теоретических и практических задач. По данному вопросу в теории следственных ситуаций только намечаются пути их исследования. Основная проблема, на наш взгляд, состоит в выработке универсального критерия деления, позволяющего все многообразие ситуаций судебного разбирательства привести к единой научно-обоснованной классификации. Попытки отдельных авторов разработать такой критерий не во всех случаях были успешными.

Так, Д.В. Ким в зависимости от этапов судебного разбирательства, а также 3-х этапной структуры преступной деятельности и поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания в стадии предварительного расследования предлагает делить их на ситуации: первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают подготовительную часть судебного разбирательства); дальнейшего этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают судебное следствие, судебные прения, последнее слово подсудимого); заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают постановление и провозглашение приговора) [1].

Такое деление судебных ситуаций, на наш взгляд, весьма условно и поверхностно, так как границы этапов уголовно-процессуальной деятельности не всегда совпадают с этапами криминалистической деятельности.

Например, стадия возбуждения уголовного дела часто не совпадает с первоначальным этапом расследования, в который в отличие от стадии уголовного процесса могут входить, например, оперативно-розыскные мероприятия, проводимые сотрудниками оперативных подразделений в порту приписки судов заграничного следования задолго до возбуждения уголовного дела.

Концептуальное положение о том, что ситуации, возникающие на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, имеют одинаковую гносеологическую природу, позволяет успешно применить разработанные в теории следственных ситуаций классификационные основания для систематизации и упорядочения ситуаций судебного следствия.

В зависимости от стадий уголовного процесса можно выделить судебные проблемно-поисковые ситуации, возникающие в судах 1-ой (исходные судебные ППСС), апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

В зависимости от уровня познания судебно-следственные ситуации делятся на типовые и реальные, где типовые характеризуют теоретический, а реальные – эмпирический уровни познания. Реальные по степени повторяемости делятся на типичные и атипичные судебно-следственные ситуации [2]. Очевидно, что типовая судебно-следственная ситуация является результатом теоретического осмысления и обобщения материалов судебной практики, в том числе вариантов разрешения типичных и атипичных ситуаций. В этом суть сложной диалектической связи типовой, типичной и атипичной ситуаций в процессе познания в суде, что соответствует соотношению философских категорий общего, особенного и единичного в изучаемом классе явлений.

Типовые судебно-следственные ситуации в судах 1-ой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций различаются по характеру возникшей проблемы и поиском судьей возможных ее решений.

Так, если типовой ситуацией, возникающей в судах 1 инстанции, на наш взгляд, является сбор судом доказательств, достаточных для принятия решения по существу уголовного дела, то типовой ситуацией, возникающей в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, является проверка правильности вынесенных судом 1-й инстанции решений. Отсюда – различия в направлении развития типичных судебно-следственных ситуаций и характере поисково-познавательной деятельности в судах 1-й, 2-й и надзорной судебных инстанций.

Так, типовая проблемно-поисковая судебная ситуация в суде 1 инстанции (далее – ППСС) «… сбор судом доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела» непосредственно связана с целью доказывания в уголовном судопроизводстве – установлением истины по делу – и образует блок типичных судебно-следственных ситуаций, связанных с: сохранением в суде доказательств, добытых предварительным следствием; восполнением пробелов в материалах предварительного следствия; оценкой доказательств в суде; принятием решения по существу дела.

Начнем их индивидуальное рассмотрение с проблемно-поисковых судебных ситуаций, связанных с сохранением в суде доказательств, добытых предварительным следствием**.**

Типичной судебно-следственной ситуацией здесь, на наш взгляд, является ситуация тактического риска утраты в суде свидетельских

показаний. Существующая в сфере пограничного пространства международная преступность применяет возможные способы психологического и физического воздействия на свидетелей по большинству уголовных дел. Причем, эксперты международного сообщества все чаще отмечают случаи так называемого «назидательного (устрашающего)» насилия, когда к свидетелю или его родственнику могут быть применены различные способы насильственного запугивания только для того, чтобы показать потенциальным свидетелям, с какими последствиями им придется столкнуться в случае предоставления доказательств [3]. Данные преступные действия способствуют изменению свидетельских показаний, полученных на предварительном следствии, либо влекут отказ свидетеля от явки в судебное заседание.

Одной из мер защиты участников уголовного судопроизводства в УПК РФ является допрос свидетеля под псевдонимом. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что наиболее часто по уголовным делам о незаконном пересечении государственной границы РФ (далее – ГГ РФ) возникали уголовно-процессуальные ситуации, так или иначе связанные с безопасностью свидетелей, а также досудебным соглашением о сотрудничестве подозреваемых (обвиняемых) со следствием. В материалах уголовных дел по данным преступлениям заметна существующая между уголовно-процессуальными ситуациями взаимосвязь с характерной долей конфликтности и тактического риска.

Дело в том, что ныне действующую редакцию ч. 9 ст. 166 УПК вряд ли можно считать достаточно надежной гарантией безопасности свидетелей и потерпевших, а также иных участников, проходящих по уголовному делу, связанному с деятельностью хорошо организованных (часто международных) преступных групп, специализирующихся на организации незаконного пересечения ГГ РФ и создании устойчивых каналов незаконной миграции как в РФ, так и через ее территорию в третьи страны.

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 317 УПК РФ, на подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законодательством. Но каким образом законодатель планирует осуществлять указанные меры безопасности в отношении осужденных, оказавших помощь следствию и отбывающих наказание в местах лишения свободы, совершенно не ясно [4].

Бесспорно, маскировка анкетных данных или допрос свидетеля под псевдонимом порождает множество проблем уголовно-процессуального плана. Прежде всего, такой допрос представляет собой, по сути, сокрытие источника доказательств, что даже позволило отдельным авторам говорить о существовании «тайны источника доказательств». Это сразу же ставит перед следователем (дознавателем) и судьей вопрос о пригодности такого доказательства с позиции его допустимости. Отсюда – логический вывод о необходимости внесения изменений в ч. 2 ст. 74 УПК, предусмотрев

замаскированный в целях безопасности допрос свидетеля в качестве источника доказательств. Необходимые корректировки придется внести и в ст.ст. 215 – 220 УПК РФ, регламентирующие порядок окончания предварительного следствия. Появление на этом этапе следствия законспирированного источника доказательств неизбежно создаст проблему ознакомления обвиняемого с фактическими данными, полученными от него.

Для того, чтобы предложенная система защиты свидетеля эффективно заработала, необходимо обеспечить судебное разбирательство механизмом расшифровки такого источника доказательств. В связи с этим, считаем, что по каждому уголовному делу, особенно связанному с деятельностью организованных преступных групп, в сфере незаконного пересечения ГГ РФ в пунктах пропуска следователь (дознаватель) и оперативный сотрудник должны составлять секретные «литерные» дела на всех свидетелей, пожелавших остаться неизвестными. В таких делах, составленных по типу агентурных в ОРД, должны указываться подлинные анкетные данные свидетеля, его псевдоним, заявление свидетеля с просьбой законспирировать его участие в уголовном деле, отказ от участия как в открытом, так и закрытом судебном заседании, а также мотивы такого отказа. «Литерное» дело должно являться секретным приложением к обвинительному заключению и находиться в территориальном органе безопасности. Право знакомиться с «литерным» делом должно предоставляться только судье и прокурору при даче последними начальнику следственного подразделения (подразделения дознания) территориальных органов безопасности подписки о неразглашении секретных данных о законспирированном свидетеле. Это вполне согласуется с требованиями ч. 4 ст. 5 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», ограничивающего доступ судьи к информации о лицах, оказывающих содействие оперативным органам на конфиденциальной основе.

А теперь перейдем к рассмотрению второго блока типичных ППСС судебного разбирательства, связанных с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия.

Попытки исследовать ситуации судебного следствия, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия, уже предпринимались в научной литературе [5] , однако, по данной проблеме в криминалистике, полагаем, только намечаются пути исследования.

Анализ главы 37 УПК РФ показывает, что арсенал тактических средств судьи значительно меньше, чем находящийся в распоряжении следователя (дознавателя) на стадии предварительного расследования. Очевидно, что жестко формализованная процедура судебного разбирательства не позволяет проводить ни эксгумацию, ни проверку показаний на месте, ни обыск.

Производство таких следственных действий, как следственный эксперимент (ст. 288 УПК), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК), в судебной практике встречаются крайне редко. Дело в том, что самому составу суда с участниками судебного разбирательства (в силу гласности процесса) достаточно сложно заниматься проведением следственного

эксперимента или, тем более, обыска, направленного на отыскивание вещей и предметов, относящихся к рассматриваемому уголовному делу, не только в организационном плане, но и в сугубо нравственном аспекте. Названные действия характеризуются повышенной степенью принуждения, причем, осмотр и обыск предполагают различные формы поиска и в различных местах (специальных помещениях, помещениях хозяйственного и бытового назначения и т. д.), что вряд ли совместимо с отправлением правосудия [6]. Особенно характерно проведение данных действий в рамках расследования незаконного пересечения ГГ РФ в пунктах пропуска и связанных с ним преступлений. Данная особенность заключается в том, что преступники используют всевозможные труднодоступные обычным способом места, конструктивно расположенные на борту морских (речных) судов заграничного следования, в вагонах поездов, на автомобильном транспорте, воздушных судах. Возможно неоднократное использование этих помещений для осуществления преступных замыслов до момента раскрытия преступления. Данные, полученные по конкретному уголовному делу, могут значительно помочь в раскрытии других подобных преступлений, и лица, предоставившие их, представляют огромную ценность для правосудия.

Восполнение пробелов в материалах предварительного следствия достигается в ходе допросов (ст.ст. 275, 277, 278, 282, ч. 4 ст. 271 УПК РФ), в ходе производства судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ) и в ходе осмотра местности и помещения ст. 287 УПК РФ. Последний, хотя и применяется в судебной практике крайне редко, также, на наш взгляд, является весьма эффективным способом разрешения достаточно сложных судебно-следственных ситуаций. Следует отметить, что процесс восполнения пробелов в материалах предварительного следствия в суде значительно затруднен самой процедурой судебного разбирательства, ограничивающей поисково-познавательную деятельность суда как по времени, так и по выбору тактических средств.

Рассмотрим проблемно-поисковые судебные ситуации, связанные с оценкой доказательств в суде. Данная классификационная группа представляет особый интерес в гносеологическом плане, т. к. позволяет проследить диалектику перерастания оперативно-розыскных, следственных и экспертных ошибок в судебные ошибки. Именно в ходе поисково-познавательной деятельности судьи, связанной с оценкой доказательств, добытых на предварительном следствии, возможна интеграция оперативно-розыскных, следственных, экспертных ситуаций в судебные проблемно-поисковые ситуации, и наоборот.

Наиболее часто в суде 1-й инстанции возникают судебные ППСС, связанные с оценкой судьей экспертного заключения и заключения специалиста. Данная оценка осуществляется судом по следующим направлениям: личность эксперта, его беспристрастность и компетентность; объекты экспертного исследования; полнота экспертного исследования; характер выводов эксперта (категорический или вероятностный) и определение, в связи с этим, их места в общей системе судебных

доказательств; законность и обоснованность экспертного заключения, данного на предварительном следствии.

Как показывает практика, в результате оценки судом личности эксперта выявляются такие типичные ошибки, допускаемые в ходе предварительного следствия, как: проведение экспертизы лицом, которое, согласно закону, подлежало отводу; проведение экспертного исследования (его части) лицами, которые не были назначены в установленном законом порядке экспертами по делу [7]. Судебная практика последовательно подтверждает необходимость отмены приговора в таких ситуациях.

Судебные ППСС, связанные с оценкой объектов экспертного исследования, весьма часто приводят к утрате в судебном заседании такого ценного доказательства, как вещественное. Особенно часто такие ситуации возникают по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков и фальшивомонетничеством, подделкой документов. Дело в том, что действующий УПК запрещает производство экспертиз до возбуждения уголовного дела, поэтому практика выработала специфическую форму проверочного действия – предварительное исследование материалов и веществ. Данное проверочное действие является, по сути, завуалированной формой экспертизы. Сама технология экспертиз по наркотическим веществам и поддельным деньгам и документам нередко приводит к утрате объектами экспертного исследования первоначального вида. Результаты предварительного исследования подлежат проверке процессуальным путем, на практике же эксперт всего лишь переоформляет справку исследования веществ заключением экспертизы. В ходе судебного заседания такое заключение при отсутствии первоначального объекта экспертного исследования часто не выдерживает критики со стороны защиты с позиции его допустимости, а вещественное доказательство при этом необратимо утрачивается. В связи с этим, полагаем, необходимо внести поправку в ч. 4 ст. 146 УПК РФ о том, что в случаях, не терпящих отлагательства и возможной утраты вещественного доказательства, разрешить производство до возбуждения уголовного дела не только осмотра места происшествия, освидетельствования, но и судебной экспертизы.

Оценка полноты экспертного исследования на стадии судебного разбирательства, на наш взгляд, должна включать анализ судом экспертных ППСС, разрешенных в досудебном следствии с целью выявления вероятных экспертных ошибок. Частые ошибки, допускаемые при разрешении типичных экспертных ППСС, в определенных случаях свидетельствуют о возможной их преднамеренности либо о некомпетентности эксперта. Данные факты могут провоцировать незаконность судебного решения.

Рассмотрим проблемно-поисковые судебные ситуации, связанные с принятием решения по существу дела. Принятие судьей решения по существу дела является кульминационным моментом всей его поисково-познавательной деятельности в ходе судебного разбирательства. На пути принятия решения могут также возникать весьма сложные проблемно-поисковые ситуации, которые не всегда легко разрешаются имеющимися в

распоряжении судьи познавательными средствами. С этой точки зрения, УПК РФ, лишивший судью возможности направлять уголовные дела на дополнительное расследование в случае недостаточных для принятия обоснованного решения материалов досудебного производства, существенно усложнил задачу установления объективной истины по делу.

Развитие судебных ППСС, связанных с принятием решений, происходит в судах 1, 2 и надзорной инстанций по различным схемам. В данном случае деятельность судов 1-й инстанции направлена на сбор доказательств, достаточных для принятия решения по существу, а судов 2-й и надзорной инстанций – на проверку транзитивности уже принятых судебных решений. Только в суде 1-й инстанции происходит разрешение дела по существу, а вынесенный приговор является актом правосудия, что рассматривается в качестве особенности конструктивной деятельности данного суда. Напротив, конструктивная деятельность судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций представляет собой пересмотр уже принятых решений по существу, поэтому, полагаем, трудно согласиться с точкой зрения отдельных авторов, считающих, что «... при оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, при его изменении или отмене с прекращением дела производством вышестоящий суд осуществляет правосудие, а его определение есть акт правосудия» [8]. Сложно в процессуальном и гносеологическом плане называть правосудием вторичную деятельность ревизионного характера, обеспеченную поисково-познавательными средствами в значительно меньшем объеме, чем предварительное следствие и судебное разбирательство, хотя в литературе высказывалось и другое мнение о том, что в понятие «правосудие» следует включать всю деятельность суда, в том числе и при осуществлении функции судебного контроля. Очевидно, что в этих ситуациях информационная неопределенность не может быть преодолена познавательными средствами, находящимися в арсенале суда 2-й инстанции. В связи с этим, на наш взгляд, направление дела на новое судебное рассмотрение является единственно возможным и правильным решением в подобных судебных ППСС, способствующих установлению истины в уголовном судопроизводстве. В результате таких решений инициируется новый цикл судебно-следственных ситуаций в суде 1-й инстанции.

Проведенные нами исследования показали, что судебные ППСС, связанные с принятием решения по делу, в надзорной инстанции развиваются примерно по такой же схеме, как и в кассационном суде, так как их генезис определяют общие гносеологические и психологические закономерности развития.

Автор настоящей статьи не ставил перед собой задачу охватить все классификационные группы типичных следственных ситуаций, возникающих в суде. Между тем, данная тема представляется весьма перспективной и нуждается в дальнейшей научной разработке.

Литература и источники:

1. Ким, Д. В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Ким. – Томск, 1999. – С. 23.

2. Гавло, В. К.О диалектике типичного и атипичного в методике расследования / В. К. Гавло // В сб: Повышение эффективности расследования. – Иркутск, 1986. – С. 21 – 30.

3. Брусницын, Л. В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективный аспекты / Л.В. Брусницын // Государство и право. – 1996. – №9. – С. 81.

4. Воронин, С. Э. Личность организатора преступного сообщества и ее криминалистическое значение / С. Э. Воронин, Е. В. Байыр-оол. – Красноярск : Изд-во Сибирского института бизнеса, управления и психологии, 2014. – С. 44 – 47.

5. Веретехин, Е. Г.Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции / Е. Г. Веретехин. – Казань, 1988. – 87 с.

6. Бозров, В. М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России (теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты): дис. … д-ра юрид. наук / В. М. Борзов. – Екатеринбург, 1999. – С. 203 – 204.

7. Петрухин, И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М., 1964. – С. 231.

8. Грошевой, Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю. М. Грошевой. – Харьков, 1979. – С. 107 – 108.